ДѢТСКІЯ СУМЕРКИ.

СУМЕРКИ ПЕРВЫЯ.

Играя вечеромъ и прячась другъ отъ друга дѣти забѣжали въ свою любимую бѣлую комнату, и невольно оба остановились, оглядываясь по сторонамъ: такъ ново, странно и хорошо показалось имъ здѣсь, при яркомъ лунномъ освѣщеніи. Комната чудилась имъ выше и больше; казалось, что деревья, стоявшія по стѣнамъ, за день выросли и потемнѣли; на свѣтломъ паркетѣ, какъ въ зеркалѣ, отражались окна и балконная дверь, съ вьющимися по ней растеніями; отъ запотѣвшихъ стеколъ, по свѣтло–желтому просвѣту на полу, лежала мелкая рябь, и пробѣгала, отъ облачковъ ли на небѣ, или отъ колышущихся подъ инеемъ деревьевъ какая–то тѣнь. Глядя на все это, Саша задумалась. Она, какъ во снѣ, что–то припоминала; гдѣ то были такія же высокія, темныя деревья вокругъ, было такъ же

тихо, такъ же свѣтло и будто даже глубоко по середкѣ, такъ же шевелилась рябь подъ ногами. Вода! — вскрикнула она, очнувшись, и давнишняя картина озера, въ мѣсячную лѣтнюю ночь, съ тѣнистыми берегами, съ мелкой рябью по свѣтлой водѣ, вдругъ живо явилась въ памяти ея. Саша вспомнила большую лодку, въ которой она сидѣла съ отцомъ и матерью, вспомнила весла, которыя будто черпали и пѣнили кругомъ воду.

«Ахъ, какъ хорошо!» сказала дѣвочка, припоминая былое и приноравливая къ нему настоящее. «Миша, давай играть въ воду.»

— Давай, — отвѣчалъ мальчикъ, не совсѣмъ понимая, какъ это играть въ воду.

— Притащимъ сюда маленькіе стульчики, сказала Саша, сдвинемъ ихъ, и это будетъ наша лодка; возьмемъ, вмѣсто веселъ, палочки, и будемъ грести!

— Будемъ, — весело закричалъ Миша.

Братъ и сестра бѣгомъ пустились за лодкой и веслами.

Няня, услыхавъ стукъ и бряканье стульями, вышла посмотрѣть, чѣмъ это дѣти вздумали шалить, но перепуганныя дѣти, боясь, что няня пойдетъ за ними слѣдомъ и разстроитъ игру, присмирѣли, обѣщая играть тихонечко, не ссориться и не зашибиться. Поднявъ стульчики и чуть ступая, прокрались они въ бѣлую комнату, притворили за собою двери, сдвинули стулья подушками одинъ противъ другаго, сѣли, одинъ съ одной стороны, другая съ другой, и ну, покачиваясь, грести отцовскими тросточками, приговаривая: тшъ, тшъ. Но такая тихая забава скоро надоѣла живому Мишѣ, и онъ предложилъ сестрѣ изъ большой лодки сдѣлать двѣ маленькія. Стулья раздвинулись, и поѣхали дѣти изъ стороны въ сторону, шаркая ногами по–полу; съѣзжаясь, они раскланивались, спрашивали: не укачиваетъ ли кого, и опять лодочки расплывались въ разные углы. Саша, заѣхавъ въ темный уголъ подъ деревья, и любуясь оттуда мелкою, свѣтлою рябью посреди поля, сказала полушопотомъ:

— Миша, давай плавать въ водѣ, какъ рыбки!

— Давай! Это какъ? вотъ такъ просто? — спросилъ мальчикъ, растянувшись по полу и барахтаясь съ боку на бокъ.

— Ахъ, нѣтъ, лучше вотъ какъ, говорила Саша, подпрыгивая и легонько опускаясь на четвереньки, и снова подымаясь, чтобы опуститься, приговаривая: уфъ, уфъ! пф! пф! И эта игра понравилась Мишѣ, онъ пыхтѣлъ и отдувалъ воду очень усердно.

— Миша, мы маленькія рыбки, а вонъ тамъ, гдѣ темно, тамъ живутъ большія рыбы, мы туда не станемъ плавать, онѣ насъ проглотятъ!

И дѣти плавали, держась свѣта; иногда Миша рѣшался подплывать къ деревьямъ, но Саша съ крикомъ вызывала его оттуда, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ подъ лаврами и фикусами жили настоящія акулы; тогда Миша, шлепаясь и пыхтя, съ замирающимъ сердцемъ, торопился выбраться изъ опаснаго мѣста.

— Отцы мои! да никакъ у насъ тутъ бугай завелся, — заговорила старая

пріѣзжая няня, пріотворяя дверь и осматриваясь въ полутемной комнатѣ. Рыбки притихли, и, не шевелясь ни однимъ перышкомъ, лежали на днѣ; сердечки сильно бились, дѣтямъ такъ хотѣлось, чтобы няня, не замѣтивъ ихъ, ушла къ себѣ.

— Гдѣ вы тутъ? говорила старуха, какъ будто не видя дѣтей, давайте–ка и я съ вами поиграю, — сказала она, садясь на полъ.

— Няничка, душечка, мы играемъ въ рыбки, — закричалъ Миша, садясь на корточки, — а вонъ тамъ большія рыбы, — сказалъ онъ шопотомъ, указывая на темную сторону комнаты, — онѣ все за нами гоняются, а мы отъ нихъ уплываемъ!

— Нѣтъ, онѣ не гоняются, сказала Саша, начиная плескаться и плавать: — онѣ насъ вонъ тамъ караулятъ, а мы здѣсь плаваемъ, говорила она подпрыгивая, и взмахнувъ рученками, пыхтя и отдуваясь, опустилась передъ няней, а Миша опять забарахтался плашмя.

— Ахъ, дѣтушки, да какая у васъ игра–то занятная! — говорила податливая нянюшка, которая любила дѣтей и доказывала любовь свою не одними поцѣлуями, а неизмѣннымъ терпѣньемъ и готовностью дни и годы, безъ устали съ ними возиться. Всегда доброхотная и ласковая, она взяла маленькій стулъ, сѣла на него и протянувъ руку сказала: — Ну вотъ что: вы будете рыбки, а я рыбакъ, стану рыбу въ озерѣ ловить; вотъ, кто изъ васъ тронетъ меня за руку, того я поймаю, а пока нетронете моей удочки, хоть вокругъ колѣнъ вертитесь, не трону!

— А какъ обманешь, поймаешь? спросилъ Миша, привыкшій плутовать въ игрѣ.

— Ну вотъ! сказала, что не трону, такъ ужь ни за что не трону. Да и ты, смотри, чуръ не плутовать: какъ изловлю тебя, такъ смотри сиди смирно, назадъ не бѣгай! — сказала няня и вытянула руку, какъ будто закинула удочку въ воду. Дѣти сначала робко подкрадывались, но видя, что няня не шевелится, подплывали къ самымъ

колѣнамъ, а потомъ, какъ будто боясь погони, спѣшно уплывали назадъ; но старуха сидѣла не трогаясь; протянутая рука ея сдѣлалась настоящей приманкой для дѣтей: они, не смѣя дотронуться, юлили и кружились, какъ кружатся и вьются пискарики у берега, передъ опущенной приманкой.

Няня молча слѣдила за дѣтьми; не первое поколѣніе рѣзвится съ нею, не первыя дѣти тормошатъ и цѣлуютъ старуху; тридцать лѣтъ тому такъ же копошились около нея дѣти и племянники госпожи ея; и тамъ была Саша, ея любимица, и крошка Миша, и еще много другихъ; но одинъ только уцѣлѣлъ, одного возрастила она на славу себѣ и на радость многимъ: отца этихъ дѣтей.

Вдругъ Миша завизжалъ, барахтаясь и вывертываясь изъ рукъ няни: старуха подстерегла его шаловливую рученку и зажала ее въ своей рукѣ.

— А ты, Мишенька, любишь кататься, люби и саночки возить! ужь коли попался, такъ не вывертывайся, не фальши, сиди

знай, будемъ сестрицу караулить, наслушивать рукой, какъ у насъ рыбаки говорятъ. — И стали они вдвоемъ наслушивать рыбку; скоро бѣленькій окунекъ забился у няни въ рукахъ, и съ поцѣлуями повисъ у нея на шеѣ. — Ну вотъ умница, Сашенька, не фальшишь, коли попала, такъ значитъ попала, — говорила няня, разглаживая широкою ладонью своей мягкіе волоски дѣвочки. — Ну, что же теперь дѣлать, опять ли васъ въ воду пустить? аль сказочку сказать какую, или пѣсенку споемъ? — говорила няня, усаживая дѣтей къ себѣ на колѣни.

— Няничка, милая, лучше пѣсенку про курочку хохлушечку, — просили дѣти. Старуха запѣла, а дѣти, сбиваясь, вторили ей.

Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,

Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:

Купимъ–ка, жонушка, курочку;

Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!

Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, уточку;
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, гусыньку:
Гусынька га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, индюшечку,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, барашка:
Барашекъ–то шатры–матры,

Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га.
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, козоньку,
Козонька–то прыгъ, прыгъ,
Барашекъ–то шатры–матры,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, коровку;
Коровка–то мыкъ, мыкъ,
А козонька прыгъ, прыгъ,
Барашекъ–то шатры–матры,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,

Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!
Давай–ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ торгъ торговать:
Купимъ–ка, жонушка, лошадку:
Лошадка–то ги, ги, го, го,
Коровушка–то мыкъ, мыкъ,
Козонька–то прыгъ, прыгъ,
Барашекъ–то шатры–матры,
Индюшечка шулды–булды,
Гусынька га, га, га, га,
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ тюкъ–тюрюрюкъ!

Проходя мимо, Михаилъ Павловичъ узналъ знакомую пѣсенку, которую пѣвалъ ребенкомъ; постоявъ немного, онъ вошелъ къ дѣтямъ и позвалъ ихъ съ няней прокатиться; вечеръ былъ чудесный, дѣти скоро собрались и усѣлись съ отцомъ и съ няней въ четверомѣстныя сани.

СУМЕРКИ ВТОРЫЯ.

Такъ же ярко свѣтилъ мѣсяцъ, какъ въ бѣлой комнатѣ у Саши съ Мишей, такъ и въ низенькой душной дѣтской, гдѣ лежитъ ихъ маленькая, больная внучатная сестрица. Лучи свѣта падаютъ прямо на рѣзную орѣховую качалочку; малютка спитъ, закинувъ голову, слезы еще свѣтятся на рѣсницахъ, и отъ нихъ лоснятся блѣдныя щечки ребенка. Притаивъ дыханіе, стоитъ надъ нею девятилѣтняя сестра, разодѣтая въ кружева и банты: это та самая Лиза, къ которой Саша писала первое письмо своего сочиненья. Любовь и жалость выказываются въ лицѣ и въ движеньяхъ дѣвочки; она, легонько покачивая колыбель, глазъ не сводитъ съ исхудалаго лица малютки, ей хочется вытереть слезки Лили, и поцѣловать крошечную ручонку, но она боится разбудить ее.

— Барышня, а барышня, Лизавета Петровна, пожалуйте внизъ, маменька салопъ надѣваютъ, станутъ гнѣваться, пожалуйте скорѣе, — говорила

полушепотомъ горничная, внося Лизину шубку. Дѣвочка зашикала и замахала на нее руками, указывая на уснувшую малютку.

— Душечка моя, Поля, говорила она, спѣша одѣваться: ты посиди здѣсь у Лилиньки, покачай ее, няня очень устала, она уснула, ты не буди ее!

— Хорошо, хорошо, барышня, а вы идите скорѣе, а не то васъ забранятъ.

Лиза мигомъ сбѣжала съ тѣсной, крутой лѣстницы, пробѣжала цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, для которыхъ даже нѣтъ имени на нашемъ языкѣ, и нагнала мать и сестру въ передней. Лизѣ очень не хотѣлось бросить сестрицу и ѣхать въ гости, но она не посмѣла отпрашиваться.

«Ахъ, Лиличка, думаетъ она, сидя въ каретѣ, если бы моя воля была, ни зачто бы не поѣхала я въ эти противные гости, особенно къ Ниночкѣ!»

СУМЕРКИ ТРЕТЬИ.

Ждетъ ли Ниночка своихъ маленькихъ гостей, прислушивается ли она къ проѣзжающимъ экипажамъ, или собираетъ для нихъ игрушки, книжки съ картинками?

Нѣтъ, Ниночка сидитъ со своей гувернанткой въ классной комнатѣ; керосиновая лампа давно зажжена. Мудрая воспитательница дала Ниночкѣ для ея упражненья въ щегольскихъ оборотахъ, первую часть одного изъ самыхъ уродливыхъ французскихъ романовъ, сама же съ замирающимъ любопытствомъ впилась въ третій томъ.

Обѣ наслаждаются по–своему: одна сочувствуетъ нравственному уродству человѣка, которое обычно называютъ увлеченьемъ страстей; другая пока радуется на внѣшній блескъ, на описанье нарядовъ, на красоту героинь, на ихъ ловкія, облыжныя рѣчи; изъ романовъ этихъ, какъ вихремъ, наносятся сѣмена сорныхъ травъ на дурно воздѣланную почву: волчецъ, крапива и полынь сѣятся, растутъ и

глушатъ въ дѣвочкѣ тотъ добрый злакъ, что далъ Господь на потребу каждаго человѣка. Ниночка мысленно прикидываетъ къ себѣ изящные наряды, величавые или кроткіе взгляды своихъ героинь, затверживаетъ ихъ гордые отвѣты, усвоиваетъ себѣ пока то, что можно усвоить. Рѣпей растетъ и крѣпнетъ, онъ скоро зацвѣтетъ, и дастъ свой колючій плодъ.

— Барышня, Нина Марковна! пожалуйте въ гостиную, гости пріѣхали! — сказала вбѣгая горничная.

— Ну вотъ еще! — закричала Ниночка, бросая книгу. Кто это притащился? — спросила она.

— Зинаида Петровна съ сестрицей.

— Очень нужно! — сказала дѣвочка, вставая и громко откидывая стулъ.

Наставница въ это время такъ занята была чтеньемъ, что не слыхала ни разговора своей воспитанницы, ни шумнаго ея ухода.

СУМЕРКИ ЧЕТВЕРТЫЯ.

— Мамочка, хочешь, будемъ играть, говорила маленькая Мери, прижимаясь къ колѣнямъ матери, которая въ сумерки отдыхала отъ дѣятельнаго заботливаго дня своего, въ покойныхъ креслахъ.

— Давай, моя дѣвочка, будемъ играть, особенно если придумаешь веселую игру.

— Ахъ, да, очень веселую, сказала дѣвочка, перебирая наскоро въ умѣ всѣ игры, какія могла припомнить…

— Мама, хочешь я тебя буду подчивать чаемъ?

— Хорошо, Мери, только осторожно, не обварись, — сказала мать, принимая видъ будто рѣчь идетъ о настоящемъ чаѣ, тогда какъ у Мери самоварчикъ былъ деревянный. Мери эта была та самая маленькая дѣвочка, которая, на кукольномъ вечерѣ, такъ горячо вступалась за Лину. Малютка притащила посудки, сказавъ мимоходомъ матери, что самоваръ закипаетъ, и побѣжала за нимъ; внося его въ комнату, Мери закричала, что

обожглась. Мать вздрогнула, но вспомня объ игрѣ въ чай, успокоилась, замѣтя однако дочери, что играя обжогомъ или ушибомъ, надо оговариваться словомъ шутя, иначе можно встревожить кого нибудь.

Понявъ въ чемъ дѣло, Мери сказала: «Мама, шутя я не больно обожглась! Тш–ш–ш,» проговорила она, наливая изъ чайника въ крошечную чашечку; но, должно быть, чашка эта была очень убориста, потому что чай въ нее долго лился; наконецъ, наполнивъ ее, она бережно, едва переступая, понесла ее къ матери.

Мамѣ чай показался настоящимъ кипяткомъ; она долго переливала его изъ чашки въ блюдечко и опять изъ блюдечка въ чашку, и наконецъ, выпивъ, похвалила его.

— Прикажешь еще? спросила Мери, прыгая передъ нею.

— Да, пожалуйста, я очень озябла. — Разъ пять чай наливался и почти тѣмъ же порядкомъ выливался; наконецъ мать

сказала, что и сыта, и согрѣлась; дѣвочка весело запрыгала, поцѣловала мать и побѣжала сама пить.

Наигравшись вдоволь, она стала убирать игрушки: это условіе давно было заключено съ нею; мать ея, хотя и любила, чтобы дѣти играли около нее, но требовала отъ нихъ и въ этомъ дѣлѣ порядка.

— Мама, мама! кричала Мери, вбѣгая, опять, я вотъ что придумала: поѣдемъ съ тобой, шутя, прибавила дѣвочка, за попугаями, знаешь, за тѣми крошечными, зелененькими? Знаешь, что мы видѣли въ зоологическомъ саду, поясняла дѣвочка.

— За неразлучками. Этихъ крошекъ зовутъ неразлучками, — потому что онѣ всегда живутъ дружками, и если съ однимъ случится бѣда, другой со скуки заболѣваетъ и помираетъ.

— Мамочка, мы также будемъ сажать ихъ по двое, чтобы они не скучали; вѣдь мы ихъ много привеземъ!

Началась постройка повозки: Мери принесла креслице–качалку, поставила его передъ матерью и привязала сахарными

бичевками, какъ постромками, къ креслу матери, затѣмъ она сѣла на него и стала раскачиваться. «Мы такъ долго, долго поѣдемъ,» говорила Мери, слегка поворачиваясь къ матери; но живая природа ребенка не выдержала тихой игры: «Мамочка, по дорогѣ много цвѣтовъ, нарвать тебѣ ихъ?» спрашивала она, соскакивая на полъ, и наклоняясь къ пестрому ковру, будто рвала и теребила съ него цвѣты.

«Мама, какъ они хорошо пахнутъ, и какъ ихъ много!» говорила она, складывая на груди ручонки, какъ будто она набрала цѣлое беремя цвѣтовъ, но заслышавъ въ сосѣдней комнатѣ походку отца, Мери стремглавъ пустилась къ нему. Мать, запутанная веревками, не могла выбраться изъ креселъ и слышала только радостные возгласы дочери: «Настоящіе цвѣты! ахъ, какъ пахнутъ! папочка, гдѣ ты ихъ взялъ? Дай, и я также понесу!»

— А гдѣ мать? спросилъ отецъ.

— Она, папочка, въ коляскѣ, мы ѣдемъ въ Африку!

— Ну и я съ вами въ Африку, — говорилъ Сергѣй Романовичъ, ставя передъ женою цвѣты и придвигая себѣ кресло. Мери, какъ маленькій паучекъ, мигомъ припутала отцево кресло къ своей повозкѣ, и поѣхали они втроемъ въ Африку, за попугаями. Раскачиваясь, Мери слышала, что отецъ съ матерью поминалъ о больной Лили, и потомъ, что Сережа и Алеша отпросились навѣстить своего нѣмецкаго учителя и что, пріѣхавъ домой, отецъ отправилъ за ними лошадь.

«Ахъ, кабы братья были здѣсь! мы бы вмѣстѣ поѣхали за попугаями въ Африку, это такъ весело,» подумала маленькая Мери, продолжая качаться на своей качалкѣ.

СУМЕРКИ ПЯТЫЯ.

Изъ знакомаго намъ подвальнаго жилья башмачника выбѣжали двое ребятишекъ; первымъ дѣломъ ихъ было схватиться — боролись, боролись они, и оба чебурахнулись въ сугробъ; весело мальчикамъ, снѣгъ такъ и рѣжетъ, такъ и палитъ руки и лицо, а они то вскочатъ, то опять повалятся!

— Ладно, пусти, Ванюшка! кричитъ смятый имъ мальчикъ, пусти, говорятъ тебѣ, пора запрягаться.

— Поспѣешь, отвѣчаетъ меньшой братъ, довольный тѣмъ, что ему удалось, чуть ли не впервые, уронить и смять старшаго.

Но Васютка справился, отмахнувъ брата, всталъ и побѣжалъ къ салазкамъ; оба принялись запрягаться.

— Мишутка, а Мишутка! подь сюда, мы тебя прокатимъ, — закричалъ одинъ изъ нихъ входившему во дворъ мальчику–сироткѣ, которымъ завладѣла пьяная нищая, назвавъ его внукомъ своимъ.

— Сядь, лихо прокатимъ, кричали ребятишки, подскакивая къ нему съ санками. Одичалый мальчикъ схоронился за старуху, которая, пошатнувшись сильно, стала грозить клюкой и что–то бормотать, но несвязнаго бормотанья ея никто, даже самъ бѣдный Мишутка, не понялъ; да онъ и не заботился понимать: бѣднягу пронималъ только голодъ да холодъ, да бабушкинъ костыль.

— Вишь! дикой какой, юркнулъ въ дверь, словно мышь, — говорили другъ другу ребятишки, взвились, заржали и поскакали вдоль двора. Мѣсяцъ вышелъ изъ–за сосѣдней крыши, сталъ и свѣтилъ имъ прямо въ лицо; мальчики скачутъ, выкидывая ногами, а тѣнь ихъ стелется темными полосами позади салазокъ; они повернули къ воротамъ, и тѣнь обогнала ихъ и побѣжала впередъ. Стоитъ маленькая Лиза въ дверяхъ и дивится на темную синеватую тѣнь, которая бѣжитъ то впереди братьевъ, то позади ихъ. Вотъ поскакали мальчики по сугробамъ, двѣ тѣни

мелькнули передъ ними и побѣжали по одну сторону, рядомъ съ Ванюшкой.

— Лиза, Лиза, что долго не шла! садись что–ли! — закричалъ Вася на сестру, которая, уставясь, смотрѣла на обѣ полосы тѣни позади салазокъ: Лиза искала глазами шапки у тѣни, и не узнавала ея, потому что шеи братьевъ рѣзко виднѣлись на снѣгу въ подворотнѣ, а шапки не ясно мелькали на темныхъ воротахъ. Мальчики схватили сестру и кочкой посадили на салазки — дѣвочка не успѣла опомниться, какъ уже неслась во весь духъ по двору; летитъ она и взадъ и впередъ, даже духъ замираетъ, а морозъ такъ и щиплетъ красненькую рожицу.

— Лизенокъ, держись крѣпче, мы тебя на гору взвеземъ, оттуда всю Москву увидишь! — со смѣхомъ проговорили ребята, воображая, какъ дѣвчоночка и въ самомъ дѣлѣ станетъ пялиться, чтобы съ сугроба увидать Москву, но не договорили они еще послѣднихъ словъ, какъ Лиза уже летѣла кубаремъ съ горы. Вскакавъ на гору, мальчики громко заржали и

поматывая головами поскакали къ воротамъ.

— Что вы пустыя салазки катаете, сказалъ имъ отецъ, входя въ калитку, что бы вамъ сестру–то посадить!

— Мы и то съ Лизой... — Изъ–за сугроба послышалось хныканье, братья переглянулись, посмотрѣли на салазки, и оба бросились туда, гдѣ слышался дѣтскій голосъ.

— Ребята, закричалъ отецъ, я иду за матерью, а вы скажите Лизенку, что мы поѣдемъ кататься на живой лошади! — Мальчики въ голосъ взвизгнули отъ радости и понеслись къ сестрѣ.

— И Москву–то не показали! — жалобно всхлипывала малютка.

У самой калитки ждутъ пустыя деревенскія сани, съ красными оглоблями; маленькая саврасая лошадка стоитъ какъ вкопаная; вся семья башмачника усаживается и размѣщается въ саняхъ: Вася сядетъ съ извощикомъ, на облучекъ, а Ванюшка станетъ передъ отцомъ и матерью, въ саняхъ.

— Ну, а кочешокъ–то куда? — спросилъ старикъ–извощикъ, подхватывая Лизу, и осматривая одежду ея; — пра настоящій кочанъ! Этихъ поддевокъ–то на ней, да платковъ однихъ что! словно листья окрутили вилокъ! Куда же взаправду ее, — говорилъ старикъ, — соломки позадь санокъ постлать? Понявъ шутку, мальчики захохотали, Лиза забарахталась: «къ тятѣ хочу,» тревожно закричала она.

— Ну къ тятѣ, такъ къ тятѣ, — сказалъ старикъ, перекидывая ее на колѣни къ башмачнику.

— Эй вы ну! — весело вскрикнули мальчики на лошадь. — Ну, савраска, ну родимая! — сказалъ извощикъ трогая возжами; савраска замотала головой и пустилась рысцой. «Въ городъ,» сказалъ башмачникъ, какъ зовутъ въ Москвѣ гостиный дворъ.

Долго–ли, коротко–ли бѣжала савраска, и провезла башмачникову семью мимо города. Затѣмъ въѣхали они, глядя на сѣрыя узорчатыя башни, въ Кремль, и стали неподалеку Ивана Великаго, подлѣ

воротъ, гдѣ стояли четверомѣстныя сани, въ коихъ сидѣла цѣлая семья: двое взрослыхъ, да двое дѣтей.

— Батюшка ты мой, Михаилъ Павловичъ, святыня–то, святыня–то какая, — крестясь, говорила старуха въ саняхъ, указывая на рѣшетчатыя окна, гдѣ теплились неугасаемыя лампады и тускло освѣщали позолоту образовъ и внутреннія украшенія соборовъ. Вдругъ надъ ними, въ сторонѣ, раздался громкій пѣвучій звукъ: прозвенѣлъ и замеръ въ воздухѣ.

— Восемь часовъ, восемь пробило, — проговорило нѣсколько голосовъ; видно было, что многіе изъ бывшихъ тутъ сочли бой.

— Батюшка ты мой, Михаилъ Павловичъ, неужто это и впрямь часы били? зычно да звонко таково, словно лебеди на озерѣ перекликаются? — спросила недоумѣвающая няня.

— А ты не знаешь видно поговорки: у Спаса часы говорятъ? Это спасовскіе часы пробили, — отозвался Михаилъ

Павловичъ, — это красный звонъ, то есть подобранные подъ музыку колокола.

— Ну ужь Москва! — сказала удивленная старуха, покачивая головой. — Чего–то, чего въ ней нѣтъ! — Она стала оглядываться кругомъ на освѣщенные мѣсяцемъ бѣлые соборы и золотыя ихъ маковицы. — Не даромъ, прошептала она, зовутъ Москву нашу бѣлокаменною, златоверхою.

Четверомѣстныя сани легонько повернули назадъ и проѣхали бокъ–о–бокъ мимо саней съ красными оглоблями; ребятишки всполошились; и Лиза также узнала, подъ боярской шапочкой, румяное, веселое личико Саши.

— Маленькіе бары! барышня! это бары, что намъ гостинцевъ пожаловали! маленькая барышня! — кричала Лиза, прыгая у отца на колѣняхъ и протягивая ручонки за уѣзжающими санями.

— Дѣдушка, миленькой, нагони господскія сани, — просили ребятишки, прыгавшіе отъ нетерпѣнія.

— Да, поди–ка, нагони ихъ, — отозвался извощикъ. — Кони–то у нихъ заводскіе, не севраскѣ чета, да еще же ихъ пара!

Гнѣдыя лошади играючи везли санки; откинувъ головку, радостно дышала Саша морознымъ свѣжимъ воздухомъ и щурила повременамъ глаза, когда пристяжная закидывала ее ископытью, снѣгомъ изъ–подъ копытъ.

— Саша, Миша, здравствуйте! — послышались голоса изъ промелькнувшихъ саней. — Дядя, здравствуй! — закричалъ Сережа, оборачиваясь къ четверомѣстнымъ санямъ. Это Сережа съ Алешей, братья Мери, навѣстившіе больнаго учителя, возвращались домой; застанутъ ли они отца и мать дома, или Мери, шутя, увезла ихъ въ Африку?